

лялъ себѣ тоже таинственнымъ какимъ-то колдуномъ, очень похожимъ на своего истолкователя. Впрочемъ, благодаря его машинѣ, которую можно было видѣть черезъ окна, его и весь приходъ принималъ за колдуна и побаивался. Его на свадьбахъ всегда сажали на самое почетное мѣсто, а за нимъ—батюшекъ. Бѣдный Дорофеичъ, а вѣдь ты принималъ это всегда какъ заслуженную дань своимъ познаніямъ и способностямъ!..

Вспоминаю я теперь жизнь нашего мирнаго погоста и нахожу, что вѣдь, право же, его обыватели старались идти за вѣкомъ. Струйка чего-то новаго била и тамъ рѣшительно замѣтно, недаромъ то было время «возрожденія»... Сосновый лѣсъ густо обступалъ маленькій погостъ, но не спряталъ, не могъ схоронить его отъ дѣйствія «духа времени». Конечно, духъ этотъ часто очень неуклюжими и своеобразными порывами вѣялъ сквозь узкую просѣку лѣсной дороги къ нашему погосту, ну да вѣдь «кто-жъ Богу не грѣшень?» «Конфуза» и въ центрахъ не мало было, говорятъ...

Когда послѣ освобожденія заговорили о свободѣ труда, о новыхъ сельско-хозяйственныхъ системахъ, о земледѣльческихъ машинахъ, я помню, что и нашъ маленький погостъ не остался безучастнымъ, равнодушнымъ зрителемъ этого движенія. Много и часто обо всѣхъ этихъ матеріяхъ толковали у насъ, а когда въ нашихъ краяхъ образовалось сельско-хозяйственное общество, — мой отецъ написалъ въ «Записки» общества статью о сельско-хозяйственныхъ примѣтахъ и получилъ за это красиво напечатанный дипломъ на званіе члена-корреспондента общества, а Дорофеичъ принялся за изобрѣтеніе молотилки.

— Да, гм...—басиль онъ,—машина!.. Машина—дѣло великое!.. По нашему времени нельзя безъ машины!.. Мужикъ-то, вотъ увидите, во сколько себя оцѣнитъ. Съ нимъ—дѣло брось! Это вотъ тутъ въ «Запискахъ» справедливо прописано...

И Дорофеичъ изобрѣлъ молотилку, «самородную» въ полномъ смыслѣ слова. Это была точно «машина», вполне живающая свое названіе; нѣчто столь же страшное, громадное, несуразное, какъ и самъ Дорофеичъ. Я и къ этой машинѣ чувствовалъ какое-то суевѣрное уваженіе и рассматривалъ ее всегда на почтительномъ разстояніи, но помню, что погосту она доставляла постоянно неизсякаемый источникъ потѣхи. До сихъ поръ эта деревянная машина не разрушена и не разрушилась подъ безжалостнымъ дѣйствіемъ стихій. Грузно осѣла она въ землю, и когда я ее видѣлъ—густая веселая, зеленая трава обступала ее съ какой-то ехидной улыбкой... По идеѣ Дорофеича,